

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КАК КАТЕГОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

П.Ю. Повалко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
polina.povalko@gmail.com

В статье рассматриваются категории пространства и времени в развитии — от сугубо философских понятий до явлений литературоведческого и лингвистического характера. При описании понятия пространства-времени как категории художественного текста в статье выделяются и характеризуются его основные функции: онтологическая, антропоцентрическая, прагматическая, эстетическая, сюжетобразующая, символическая, которые являются декомпозицией ключевой функции хронотопа, а именно — смыслообразующей. Предложенная функциональная декомпозиция требует актуализированного подхода к языковой репрезентации хронотопа, к иерархии языковых средств.

Ключевые слова: хронотоп, категории пространства и времени, функции хронотопа, смыслообразующая функция хронотопа, смыслообразование, художественный текст.

ВВЕДЕНИЕ

Классическая философская наука рассматривала пространство и время как категории, независимые друг от друга и от происходящих в них процессов. Такое представление легло в основу субстанциальной концепции (Демокрит, Эпикур, Исаак Ньютон). Так, в учении И. Ньютона развитие получило представление о самостоятельном и независимом существовании пространства и времени. Ньютон выдвинул понятие «абсолютного пространства» и «абсолютного времени». Такое представление опиралось на геометрию Евклида и соответствовало законам классической механики.

Создание в XX в. теории относительности, развитие представлений о метрических свойствах пространства-времени, привели к кардинальной перестройке существовавшей концепции. Оказалось, что признанные классическими субстанциональные представления о пространстве и времени не окончательны и не универсальны. В рамках новой парадигмы, которая получила название реляционной, пространство и время рассматривались как системы отношений между взаимодействующими объектами. Данная концепция описывала пространство и время связанными друг с другом, образующими единый пространственно-временной континуум. В научный оборот было введено новое понятие «пространства-времени» как единой формы координации явлений.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Интерес к изначально сугубо философским категориям пространства и времени как к явлениям и лингвистического характера приобрел широкое распространение в научной литературе XX в. В первую очередь это было связано с так

называемым структурно-лингвистическим поворотом — своеобразной «золотой серединой» между бытием и ничто, материей и духом, объектом и субъектом или между онтологией и гносеологией, эмпиризмом и рационализмом» [6. С. 70]. Здесь ключевыми понятиями отныне стали: отношение, структура, функция, деятельность, язык, текст, организация, знак, дискурс, смысл, логос и т.д. Поэтому известная гипотеза Сепира—Уорфа о лингвистической относительности, в основе которой лежит идея о том, что «...язык хранит в себе определенную систему ценностей, а выражаемые в нем значения имеют оценочность и складываются в коллективную философию, свойственную всем носителям данного языка» [12], изменила статус категорий пространства и времени, условно переведя их из исключительно философской плоскости в лингвистическую и литературоведческую.

Особую важность для исследования пространства и времени представляет понятие хронотопа, разработанное М.М. Бахтиным. Под хронотопом понимают «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1. С. 234]. М.М. Бахтин указывал на то, что и художественно-литературный образ, и язык произведения в своей основе хронотопичны. Ученый показал необходимость принятия во внимание хронотопов автора произведения и слушателя-читателя.

Позднее пространство как самостоятельная категория вновь заняло место в исследованиях ученых, плодотворно разрабатываясь как в отечественной, так и зарубежной науке. Это видно, в частности, в работах и Тартуской (Ю.М. Лотман и др.) и Московской (В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян, Т.М. Николаева и др.) семиотических школ, представители которых соединили изучение структуры текста с изучением структуры пространства.

Лотман определяет художественное пространство в литературном произведении как «континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие», выделяя при этом несколько его подтипов: «волшебное и бытовое, внешнее или внутреннее». При этом «поведение персонажей в значительной мере связано с пространством, в котором они находятся и, переходя из одного пространства в другое, человек деформируется по его законам» [7. С. 264].

О пространственно-временном континууме говорил и Гальперин, который понимал его как единство пространственного и временного планов, «нерасчленимый поток движения во времени и пространстве» [4. С. 87]. Ученый отмечает, что континуум как категорию художественного текста можно представить в виде определенной последовательности фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве, при этом отмечая, что «развертывание событий протекает не одинаково в разных типах текстов». Кроме того, в своих работах Гальперин предложил систему текстообразующих категорий, выделив в их составе категории содержательные и формально-структурные, при этом он подчеркивал их взаимообусловленность. Среди текстообразующих категорий ученый отмечал и континуум — логическую последовательность, темпоральную и пространственную взаимосвязь.

В.Н. Топоров в своих исследованиях акцентирует внимание на разграничении бытового, научного (ньютонического) и мифопоэтического понимания простран-

ства. Работы ученого явились своего рода стимулом для изучения пространства как текста (или «текста пространства»). Также в сферу научных интересов В.Н. Топорова входило и исследование связи природного и культурного начал, их «макроконтекст», в котором встреча «духовно-физических» и «великих» текстов культуры порождает духовные ситуации «высокого напряжения».

В научных трудах Д.С. Лихачева мы находим продуктивное понятие «концептосфера», рассматриваемое как совокупность сгустков понятий, концептов, образов и мотивов, из которых складывается художественный мир писателя, в котором, несомненно, пространство и время, хотя бы как семантические примитивы [3. С. 53], занимают ведущее положение.

В современной науке отмечается усложнение концепции пространства-времени. Предметом пристального внимания лингвистов являются типы пространственно-временных отношений (М.Ю. Лотман, И.Р. Гальперин, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, А.Ф. Папина, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин и др.), формирование параметров хронотопа в процессе идентификации и самоидентификации отдельных культур (Д.С. Лихачев, В.Н. Топоров, А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, Е.С. Яковлева, И.И. Свирида, В.П. Руднев, С.М. Белякова, М.Н. Закамуллина, В.И. Бессуднова, Н.К. Фролов и др.), ключевая роль пространства-времени в процессе реконструкции авторского концептуально-смыслового плана и при организации текстовой структуры в целом (Ю.М. Лотман, Н.Д. Арутюнова, И.М. Кобозева, Л.Г. Панова, Ю.Д. Тильман, Д.А. Щукина, Т.Е. Яцуга и др.).

ФУНКЦИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Понятие пространства-времени широко используется исследователями и при анализе художественного текста: и время, и пространство служат конструктивными принципами организации литературного произведения.

Образуемая категориями пространства и времени система моделирует повествование в художественном тексте, обеспечивает целостное восприятие художественной действительности, организует структуру произведения и, что немало важно, формирует художественный смысл. По Бахтину, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [1. С. 406].

Однако смыслообразование, как функция хронотопа высшего порядка, требует определенной декомпозиции. На наш взгляд, следует рассматривать и такие функции хронотопа, которые работают на ключевую смыслообразовательную функцию, но могут и должны рассматриваться отдельно. То есть, являясь функциями, обеспечивающими смыслообразование конкретного художественного текста, они фактически и формируют значение хронотопа в различных его конфигурациях.

Первой такой функцией является **онтологическая**. Почему? Именно в хронотопе закодирована «модель мира», представленная автором. И, по точному утверждению Л.А. Ноздриной, хронотоп позволяет: «правильно декодировать зашифрованную в тексте „картину мира“ автора и, таким образом, позволяют художественному тексту осуществлять одну из важнейших задач искусства — быть средством познания» [8. С. 15].

Второй функцией, напрямую связанной с первой, может быть названа **антропоцентрическая** функция категорий пространства-времени.

М.М. Бахтину принадлежит антропоцентрическая концепция хронотопа художественного текста: 1) мир (модель пространства и времени) изображен извне, как окружение героя и 2) мир (модель пространства и времени) изображен изнутри как душевно-духовная сфера, включающая в себя намерения, мысли, чувства. Соглашаясь с подобным подходом к анализу текста и хронотопа и выделяя антропоцентрическую функцию категорий времени и пространства как определяющую художественный смысл, мы конкретизируем направление исследования для категорий времени и пространства в конкретном художественном тексте.

Тесно связан с антропоцентрической функцией текста и хронотопа так называемый прагматический аспект, о котором писал Лотман: «В действительности же прагматический аспект — это аспект работы текста, поскольку механизм работы текста подразумевает какое-то введение в него чего-либо извне. Будет ли это „извне“ — другой текст, или читатель (который тоже «другой текст»), или культурный контекст, он необходим для того, чтобы потенциальная возможность генерирования новых смыслов, заключенная в имманентной структуре текста, превратилась в реальность. Поэтому процесс трансформации текста в читательском (или исследовательском) сознании, равно как и трансформации читательского сознания, введенного в текст (по сути, мы имеем два текста в отношении „инкорпорированные — обрамляющие“ (...)), не искажение объективной структуры, от которого следует устраниваться, а раскрытие сущности механизма в процессе его работы» [7. С. 67].

Из вышеизложенного очевидно, что прагматический аспект текста порождает **прагматическую функцию** художественного текста. Для нас же это означает, что и отдельные категории художественного текста могут быть исследованы в прагматическом аспекте: то есть могут быть проанализированы с точки зрения реализации прагматической функции.

Текст, как и отдельная категория текста, может быть реализован в эстетике. Такая реализация предполагает наличие следующей функции текста, а, значит, и категорий времени и пространства: **эстетической**. Почему? В определениях сущности эстетической функции используется понятие трансформации (В.И. Заика): в художественном произведении эстетико-познавательная функция трансформирует все другие функции языка, преломляя их в желаемом направлении (И.Р. Гальперин), эстетическая функция — «образно-эстетическая трансформация средств общенародного языка» (В.В. Виноградов), при помощи языка осуществляется «творческая трансформация обычного предмета действительности в особый художественно моделируемый предмет» (Л.А. Новиков), поэтическая функция языка проявляется во внутреннем перерастании языковой семантики в поэтическую (С.Т. Золян). И, если «художественный текст любого типа — это продукт эстетической реализации языка» [5. С. 111], то, очевидно, что одна из смыслообразующих функций категорий времени и пространства — эстетическая.

Давно ставшее классическим высказывание М.М. Бахтина, что время и пространство «являются организационными центрами основных сюжетных событий романа», предполагает наличие **сюжетообразующей** функции. Именно сюжето-

образующая функция хронотопа наиболее полно изучена отечественной филологической школой. Анализу ее реализации в художественном тексте посвящены работы М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, М.Б. Храпченко, Н.М. Лейдерман, Б.Н. Эйхенбаума, Г.Н. Поспелова, З.Я. Тураевой, Н.Ф. Ржевской, Н.К. Гея, З.Я. Минц и мн. др.

Последняя из выявленных нами функций — **символическая**. Наиболее полные научные изыскания (от идеи до реализации в культуре и тексте, как проекции культурного пространства) в отношении символической функции представлены в трудах А.Ф. Лосева, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова.

Таким образом, обозначенные функции категорий пространства-времени — онтологическая, антропоцентрическая, эстетическая, сюжетообразующая, символическая — работают на создание смыслов в художественном тексте, а значит, реализуют основную функцию хронотопа — смыслообразующую.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХРОНОТОПА

Реализация смыслообразующей функции категорий пространства-времени средствами языка являлась предметом изучения представителей различных семантических школ (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, И.В. Галактионова, А.А. Зализняк, М.С. Исмаилов, М.А. Кунижев, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева, др.).

Однако предложенная нами функциональная декомпозиция требует актуализованного подхода к языковой репрезентации хронотопа, к иерархии языковых средств.

Понимание иерархии языковых средств (в т.ч. языковых средств конкретных текстовых категорий) напрямую связано с пониманием (определением) структурной лингвистики как научного направления и структурным методом как способом лингвистического анализа. Представляется важным уделить особенное внимание тем исследовательским идеям в области структурной лингвистики, которые наиболее полно отвечают цели анализа языковых средств выражения категорий времени и пространства в художественном тексте.

Один из основоположников практического применения методов структурного анализа в лингвистике Эмиль Бенвенист определял уровни языка и иерархию этих уровней следующим образом: любая языковая единица становится воспринимаемой лишь тогда, когда она может быть идентифицирована в единице более высокого уровня, фонема — в слове, слово — в предложении. Предложение, которое уже не может быть включено так называемое единство другого типа, является порогом, «высшим уровнем» для языка как иерархической системы.

Из всего этого, по мысли Бенвениста, следует, что данный, «высший» уровень не является чем-то внешним по отношению к анализу: он входит в анализ; уровень и есть способ анализа. Для понимания основных направлений анализа языковых единиц, согласно идее ученого, важен следующий постулат: «Форма языковой единицы определяется как способность этой единицы разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня. Значение языковой единицы определяется как способность этой единицы быть составной частью единицы высшего уровня» [2. С. 130].

В русской лингвистической школе ученым, развившим идеи Бенвениста, стал Ю.С. Степанов. Новаторство его работ связано с проработкой функционально-семиологического подхода к изучению языковых единиц. То есть языковая единица рассматривается не только по принадлежности уровню в иерархии, но и по функциональному назначению.

С точки зрения семантической парадигмы Степанов рассматривает язык как совокупность имен вещей, открывающих путь к познанию сущностей. Три основные черты этой парадигмы: а) понятие имени служит исходной точкой; б) доминирует понятие сущности, в) понятия имени и сущности сопровождаются понятием иерархии.

Основная, вторая парадигма, по мысли Степанова, — синтаксическая, или «философия предиката». Синтаксическая парадигма для Степанова — это прежде всего явление «семантического согласования» между предикатом и субъектом предложения, как языковой единицы высшего уровня, и исследование этого явления.

Наконец, третья, прагматическая парадигма, которую рассматривает Степанов, или «философия эгоцентрических слов». Эта парадигма отличается от предыдущих в следующих отношениях: 1) весь язык соотносится с субъектом, его использующим, с «Я»; 2) все основные понятия, используемые для описания языка, релятивизируются: имена, предикаты, предложения — все теперь рассматривается как функции разного рода.

Языковые единицы (они же — языковые средства в художественном тексте), соответственно, реализуются и рассматриваются как функции по представленным парадигмам — номинация, предикация, локация, но не только. Степанов в своей статье о Бенвенисте выделяет основной принцип анализа языковых средств в формате парадигм и их взаимодействия: «Каждое анализируемое явление исследователь стремится поставить в две линии соответствий — с одной стороны, в ряд „языковых категорий“, что у Бенвениста всегда оказывается связанным в той или иной степени с содержательным, семантическим анализом, с другой стороны — в ряд „синтаксических функций“, что в понимании Бенвениста приближается к формальному анализу» [10. С. 9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, подход в лингвистическом анализе, при котором языковые средства выражения могут быть рассмотрены с точки зрения их функционирования в парадигмах, позволяет нам не только обнаружить формат взаимодействия парадигм на «высшем» уровне иерархии в конкретном художественном тексте, но и осуществить семантический и синтаксический анализ отдельных категорий художественного текста, в том числе — категории пространства и времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Бахтин М.М. (1975). Формы времени и хронотопа в романе [Bakhtin M.M. Forms of time and of the chronotope in the novel]. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература. С. 234—407.
- [2] Бенвенист Э. (1974). Общая лингвистика [Benveniste É. Problèmes de linguistique générale]. Москва: Прогресс.

- [3] *Вежбицкая А.* (2001). Понимание культур через посредство ключевых слов [*Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words*]. М.: Языки славянской культуры.
- [4] *Гальперин И.Р.* (2006). Текст как объект лингвистического исследования [*Galperin I.R. Text as an object of linguistic study*]. 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига.
- [5] *Заика В.И.* (1998). Эстетическая функция языка и категории художественного текста [*Zaika V.I. The aesthetic function of language and categories of literary text*] // Тенденции развития языкового и литературного образования в школе и вузе / Отв. ред. Т.Г. Рамзаева СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена; изд-во «Сударыня». С. 111—113.
- [6] *Кутырев В.А.* Крик о небытии [*Kutyrev V.A. Cry for nothingness*] // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 66—79.
- [7] *Лотман Ю.М.* (2002). Текст в тексте [*Lotman Yu.M. The text within the text*] // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект.
- [8] *Ноздрина Л.А.* (2009). Интерпретация художественного текста [*Nozdrina L.A. The interpretation of a literary text*]. Поэтика грамматических категорий: учебное пособие для лингвистических вузов и факультетов. Москва: Дрофа.
- [9] *Степанов Ю.С.* (1985). В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [*Stepanov Yu.S. The three-dimensional space of language*]. Москва: Наука.
- [10] *Степанов Ю.С.* (1974). Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований [*Stepanov Yu.S. Emil Benvenist and Linguistics in the way of reforms*] // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: «Прогресс». С. 5—16.
- [11] *Топоров В.Н.* (1983). Пространство и текст [*Toporov V.N. Space and Text*] // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Цивьян Т.В. Москва: Наука. С. 227—285.
- [12] Словарь гендерных терминов (2002). [Dictionary of gender terms] / Под ред. А.А. Денисовой // Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». Москва: Информация XXI век.

SPACE AND TIME AS THE CATEGORIES OF A LITERARY TEXT

P.Yu. Povalko

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
polina.povalko@gmail.com

In the article the evolution of the categories of space and time is considered, from purely philosophical concepts to literary and linguistic phenomena. The idea of space and time as the categories of a literary text is described with the definition and characterization of their main functions: ontological, anthropocentric, pragmatic, aesthetic, story forming, symbolic, which are decomposition of chronotope's key function, specifically, sense-making. The decomposition of chronotope's sense-making function as described in the article requires the new approach to language representation of space-time category and linguistic means ranking.

Key words: chronotope, time and space categories, chronotope's function, sense-making function, semantics, literary text